

Фань Син обернулся и замер: мужчина стоял прямо за спиной, неизвестно откуда взявшись, и держа в руках "улики" его тайных занятий, смотрел на него снисходительно и не спеша, словно оценивая диковинку.

Фань Син, покраснев от стыда, как воришка, пойманный на месте преступления, потупил взор и пробормотал извинения:

— Брат, прости меня.

— «Прости» в карман не положишь, — не сдавался мужчина.

— В карман?...

Фань Син поднял глаза, полные недоумения, и вдруг увидел, что Хэ Цинмо хоть и сохраняет на лице суровую мину, но в глазах уже пляшут лукавые огоньки.

Только тогда он понял, что этот человек снова просто разыгрывает его!

В груди шевельнулось легкое недовольство. Хэ Цинмо что, правда, думает, что он так легко поддаётся розыгрышам? Каждый раз дразнит его, как котёнка!

Он слегка прикусил губу и, не дожидаясь, пока мужчина что-то скажет, сам взял его за руку и легонько потряс, одаривая чистой, как утренняя роса, улыбкой:

— Брат так красиво пишет... Я тоже хочу научиться! Брат, ты же меня научишь, правда?

Глубокие глаза мужчины в легком удивлении неотрывно смотрели на чистое и нежное лицо юноши.

Да этот малыш с ним заигрывает!

Хотя голос Фань Сина и так всегда звучал тихо, словно шелк, мягко и податливо, но сейчас в нём появились какие-то особые нотки.

Сейчас же он действительно заигрывал. Голос его звучал покорно и заискивающе, его ясные глаза смотрели на Хэ Цинмо, умоляя, что делало невозможным отказать ему — это было бы равносильно совершению преступления.

Ещё секунду назад этот малыш смущался и извинялся перед ним, а теперь вдруг начал заигрывать... Вот же хитрец.

Похоже, малыш не зря говорил, что довольно сообразительный.

— Хорошо! — мужчина не скрывал улыбки в глазах, наклонился ближе, их взгляды встретились, и его голос звучал с весельем: — Но я могу учить только своего супруга, а не брата. Что будем делать?

Щеки Фань Сина вспыхнули, и он инстинктивно захотел отвести взгляд.

Но тут же вспомнил, что Цинмо специально так делает, чтобы посмотреть, как он замечется, спасует, сбежит, а потом будет сидеть и самодовольно посмеиваться.

Ну нет! Ни за что!

И вот, с трудом сдерживая волнение и смущение, он заставил себя встретиться взглядом с женщиной, а губы его раскрылись в изящной улыбке, а голос зазвучал особенно мягко и сладко:

— Дорогой, научи меня...

Но не успел он договорить, как Хэ Цинмо сам сел за стол и притянул его к себе, посадив на колени.

Фань Син хотел сказать, что он может и постоять, но Хэ Цинмо уже вложил ему в руку ручку и, держа его руку, начал писать его имя — Фань Син — на бумаге, линия за линией.

Он чувствовал себя неловко оттого, что сидел на коленях у мужчины, даже несмотря на то, что он внутренне был готов к этому, он все равно не привык к слишком близкому телесному контакту.

И потому он оставался весь этот момент скованным и напряженным.

Но когда его имя, написанное рукой мужчины, а затем его рукой, появилось на бумаге... Каждый иероглиф был таким изящным, легким...

Он забыл, что сидит на коленях у Хэ Цинмо, и что почти полностью находится в его объятиях. Его светлые глаза были прикованы к его имени на бумаге, и на его губах появилась широкая улыбка.

— Как красиво! Оказывается, мое имя можно написать так изящно?! — не мог не повернуть голову к мужчине и спросить: — Я всегда думал, что оно слишком длинное и трудное для написания, и что бы я ни делал, никогда не получалось...

В этом положении они были очень близко друг к другу, и когда Фань Син повернул голову, его нос чуть не коснулся щеки мужчины.

Но в этот момент его внимание было полностью поглощено письмом, и он не замечал этого.

Улыбка на лице мужчины стала шире, и он не мог представить, что кто-то может быть так счастлив просто потому, что его имя написано красиво.

Как же легко доставить удовольствие этому малышу!

Ни слова не сказав, Хэ Цинмо продолжал нежно держать руку Фань Сина, аккуратно выписывая его имя снова и снова, словно творя маленькое чудо на бумаге, и при этом, ни на миг, не испытывал скуки.

Не отрывая руки от ручки, он тихим голосом прошептал на ухо:

— Кто придумал тебе такое имя? Оно прекрасно!

Лёгкий вопрос, сказанный почти бессознательно, заставил Фань Сина замереть. Хэ Цинмо невольно повернул голову и увидел, как юноша чуть сгорбился и едва слышно прошёл:

— Папа.

Примерно в этот момент Фань Син почувствовал его взгляд и быстро вернулся к нормальному состоянию, улыбнувшись ему сладко:

— Давайте продолжим писать?

Хэ Цинмо моргнул, а после, улыбнувшись, отпустил его руку и слегка ущипнул его за щёку:

— Нет, хватит уже. Пойдём, наш ждут подарки.

С этими словами он поднялся и, взяв Фань Сина за руку, повёл его за собой.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/12821/1131413>